

М.М. Агафшин, С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ФИНЛЯНДИИ
В ПЕРИОД МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА¹**

***Аннотация.** Исследование посвящено анализу миграционной ситуации в Финляндии, а также выявлению особенностей расселения мигрантов по территории страны. Основной акцент сделан на периоде 2012–2022 гг., характеризующемся резким ростом численности иностранцев в Финляндии в результате Европейского миграционного кризиса и исхода вынужденных мигрантов из Украины. Выявлена повышенная концентрация переселенцев в экономически наиболее развитых частях страны. Важное следствие усиления концентрации иммигрантов, особенно инокультурных, заключается в усложнении их интеграции и постепенном развитии территориальной сегрегации в пределах крупных городских агломераций страны. Установлено, что формирование сегрегированных территорий активнее всего происходит в городах столичной агломерации – Вантаа, Эспоо, Керава и самом Хельсинки, а также в Турку, Тампере и Вааса.*

В условиях нарастания миграционного давления и обострения геополитической ситуации в Европе происходит трансформация миграционной политики Финляндии в сторону ее секьюритизации. Основным тренд миграционной политики финских властей заключается в ужесточении пограничного контроля на российско-финской границе, а также почти полный запрет на ее пересечение гражданами как России, так и других стран. Стремление финской политической элиты рассматривать миграционные связи через призму секьюритизации наносит большой урон некогда тесным и взаимовыгодным связям между Финляндией и Россией. При этом закрытие финскими властями восточной границы приносит значительный вред самой Финляндии, ее безопасности и экономическому развитию, а также образу страны как одного из наиболее привлекательных мест в мире для работы, бизнеса и получения образования.

***Ключевые слова:** миграция; размещение населения; сегрегация мигрантов; Финляндия; Европейский миграционный кризис; украинский кризис; миграционная политика; секьюритизация.*

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Агафшин Максим Михайлович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН. Россия, Москва.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

Researcher ID: ABG-6617-2020

Scopus Author ID: 57218825453

ORCID: 0000-0002-0245-0481

Горохов Станислав Анатольевич – доктор географических наук, профессор, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН. Россия, Москва.

E-mail: stgorohov@yandex.ru

Researcher ID: S-7991-2017

Scopus Author ID: 55905234500

ORCID: 0000-0001-9984-6054

Дмитриев Руслан Васильевич – доктор географических наук, заместитель директора Института Африки РАН. Россия, Москва.

E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Researcher ID: M-9498-2013

Scopus Author ID: 57189906790

ORCID: 0000-0003-4018-9832

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V.

Migration policy and resettlement of migrants in Finland during the migration crisis

Abstract. The study is devoted to the analysis of changes in the migration situation in Finland, as well as the peculiarities of the settlement of migrants on the territory of the state. The chronological focus is on the period between 2012 and 2022, characterized by a sharp increase in the number of foreigners arising from the events of the European migration crisis and the crisis of forced migrants from Ukraine. An increased concentration of immigrants in the most developed parts of the country was revealed. A significant consequence of the strengthening foreign population concentration, especially with cultural and religious differences from the host society, is the complication of their integration and the gradual development of the processes of their territorial segregation within large urban agglomerations. It was established that the formation of segregated territories is most possible in the cities of the metropolitan agglomeration – Vantaa, Espoo, Kerava and Helsinki itself, as well as in Turku, Tampere and Vaasa. In the context of increasing migration pressure and the aggravation of the geopolitical situation, Finland's migration policy is being transformed towards its securitization. The main trend in the migration policy of the authorities is to tighten border controls on the Russian-Finnish border, as well as an almost complete ban on its crossing by both citizens of Russia and other countries. The desire of the Finnish political elite to view migration ties through the prism of securitization is causing great damage to the close and mutually beneficial ties between Finland and Russia. At the same time, the closure of the eastern border by the Finnish authorities causes significant harm to Finland itself, its security and economic development, as well as the country's image as one of the most attractive places in the world for work, business and education.

Keywords: migration; population resettlement; segregation of migrants; Finland; European migration crisis; Ukrainian crisis; migration policy; securitization.

Agafoshin Maksim Mikhailovich – Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: agafoshinmm@gmail.com

Researcher ID: ABG-6617-2020

Scopus Author ID: 57218825453

ORCID: 0000-0002-0245-0481

Gorokhov Stanislav Anatolievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: stgorohov@yandex.ru

Researcher ID: S-7991-2017

Scopus Author ID: 55905234500

ORCID: 0000-0001-9984-6054

Dmitriev Ruslan Vasilievich – Doctor of Geographical Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Researcher ID: M-9498-2013

Scopus Author ID: 57189906790

ORCID: 0000-0003-4018-9832

Введение

Внешние миграции традиционно играли значительную роль в экономической жизни Финляндии, однако на протяжении большей части существования независимого финского государства эмиграция из страны резко превалировала над иммиграцией. Исторически Финляндия имела миграционные связи прежде всего с ее соседями по Балтийскому региону. К тому же Финляндия традиционно проводила политику ограничения иммиграции – в результате численность мигрантов в стране была невелика, и большинство из них составляли граждане стран Северной Европы.

Однако в конце прошлого века Финляндия стала страной-нетто-реципиентом мигрантов. Этому активно способствовало изменение миграционного законодательства в условиях вхождения страны в ЕС, а также расширение миграционных связей за пределы Северной Европы – прежде всего, за счет активизации миграции из стран Азии и Африки. Важную роль в этом сыграл прием вынужденных мигрантов из охваченных конфликтами регионов: так, с середины 1990-х годов в Финляндию стали прибывать беженцы из Сомали и Сер-

бии (Косово), с 2000-х – из Ирана и Афганистана; а в результате Европейского миграционного кризиса середины 2010-х – из Ирака, Сирии и других стран Ближнего Востока и Африки. Наконец, военный конфликт на Украине привел к росту с 2022 г. численности украинских беженцев в стране.

В результате в 2022 г. 5,8% жителей Финляндии были гражданами зарубежных стран, 8,6% родились за рубежом, и 9,1% имели иностранное происхождение² [Population Structure 2024]. Усиление геополитической напряженности, обусловленное вхождением 4 апреля 2023 г. страны в НАТО, и последовавшее за этим фактическое прекращение пограничного сотрудничества с Россией способствуют ужесточению подходов Финляндии к регулированию миграционных процессов.

Источники и методы исследования

Основу эмпирической базы исследования составили официальные статистические данные государственных учреждений Финляндии, включающие информацию о мощности и направленности миграционных потоков в страну, данные о численности просителей убежища, информацию о стране происхождения населения на общегосударственном уровне и на уровне ее административно-территориальных единиц первого (области) и второго (коммуны) порядков, структуре населения по родному языку. Проведен анализ нормативно-правовых документов и отчетов о миграции и миграционной политике страны, а также материалов СМИ.

В работе применен сравнительно-исторический метод, позволивший провести анализ изменения структуры миграционных процессов в Финляндии в обозначенный в заглавии период и миграционной политики государства. С целью визуализации статистических данных использовался картографический метод.

В последние годы на фоне пространственной трансформации миграционных потоков [Агафшин, Горохов, Дмитриев 2023], которая привела к увеличению масштабов миграции в Финляндию, растет исследовательский интерес к разным аспектам этой темы среди как отечественных, так и зарубежных специалистов. Значительное внимание исследователей посвящено особенностям миграционной политики Финляндии [Кравчик 2020; Hourunranta 2023]. Все большую актуальность приобретают исследования влияния иммиграции на проблемы национальной безопасности, роста экстремизма и террористической угрозы [Virkkunen, Gadzhimuradova 2018], а также усиления сегрегации городского населения страны [Rosengren, Rasinkangas, Ruonavaara 2023]. Европейский миграционный кризис оказал непосредственное влияние на рост числа искателей убежища в стране: роль этого события с позиции

2. Согласно определению Статистического управления Финляндии, лицами иностранного происхождения являются жители страны, родившиеся за рубежом, или лица, у которых хотя бы один из родителей родился за границей.

обеспечения безопасности Финляндии анализируется в работах Й. Вирккунена и М. Пииппонена [Piirponen, Virkkunen 2017; Virkkunen, Koikkalainen, Piirponen 2023], последствия растущей русскоязычной иммиграции в Финляндию рассматриваются в исследованиях С.В. Рязанцева, Г.И. Гаджимуратовой, а также М.А.Питухиной, О.В. Толстогузова, И.Чернюк [Pitukhina, Tolstoguzov, Chernyuk 2019; Ryazantsev, Gadzhimuradova 2021].

Основные направления миграции в Финляндию после вхождения страны в ЕС

С начала 1990-х годов государственный курс на сдерживание иммиграции в Финляндию был существенно смягчен вследствие вхождения страны в ЕС. Последовавшее за этим в 1999 г. принятие новой Конституции и одобрение парламентом в 2004 г. Закона об иностранцах способствовали сближению законодательства страны в области миграции с нормами ЕС. Конституция Финляндии утверждала право на жизнь, свободу, образование для граждан страны и иностранцев, легально проживавших в стране, а также свободу их передвижения и выбор места жительства [Suomen perustuslaki 1999]. Закон об иностранцах предоставлял мигрантам, получившим вид на жительство, право на труд, защиту и убежище, а также право на воссоединение с семьей [Ulkomalaislaki 2004].

В результате Финляндия стала привлекать все больше переселенцев не только из соседних Скандинавских стран, но и из России и Эстонии; для страны стало характерно устойчивое положительное сальдо миграции [Turvapaikanhaku ja pakolaisuus suomessa 2019]. Итогом изменения миграционной политики стал рост языкового разнообразия – прежде всего за счет увеличения количества жителей, говорящих на русском и эстонском языках. Так, только за период 1990–2000 гг. русскоязычное население увеличилось с 3,9 до 28,2 тыс. человек, а эстоноязычное – с 1,4 до 10,2 тыс. [Language according 2024]. При этом численность русскоязычного населения страны росла не столько за счет этнических русских, сколько за счет говорящих по-русски финнов-ингерманландцев, переселившихся из России, которым правительство Финляндии предоставляло статус репатриантов³.

По официальным данным Статистического управления, в Финляндии на конец 2022 г. насчитывалось 5564 тыс. жителей, при этом их численность продолжает увеличиваться несмотря на то, что, начиная с 2015 г., в стране наблюдается естественная убыль населения [Population and society 2024]. Таким образом, рост численности населения страны происходит за счет иммиграции, которая значительно превосходит эмиграцию [Immigration and emigration 2024]. Именно в по-

3. Программа репатриации для ингерманландцев стала сворачиваться финским правительством в 2005 г., а с 2010 г. она была окончательно закрыта, и в настоящее время ингерманландцы могут получить вид на жительство в Финляндии на тех же основаниях, что и другие иммигранты.

следнее десятилетие отмечается резкое увеличение мощности миграционного потока в страну (табл. 1): так, если в период 1992–2002 гг. общее число въехавших в Финляндию мигрантов составило 145 тыс., то в 2002–2012 гг. – 237 тыс., а в 2012–2022 гг. – уже 373 тыс. При этом данные за последний десятилетний период не включают в себя тех, кто подал прошение о предоставлении статуса беженца или временной защиты (для жителей Украины).

Таблица 1

Иммиграция в Финляндию, 2012–2022 гг.

<i>Год</i>	<i>Количество иммигрантов</i>	<i>Количество заявлений о предоставлении убежища (статуса временной защиты)</i>
2012	31 278	3129
2013	31 941	3238
2014	31 507	3651
2015	28 746	32 477
2016	34 905	5647
2017	31 797	5047
2018	31 106	4548
2019	32 758	4550
2020	32 898	3209
2021	36 364	2545
2022	49 998	5827 (47 302)

Источник: составлено авторами по данным: [Immigration and emigration 2024; Statistics 2024]

Однако именно с 2012 по 2022 г. Финляндия стала принимать все больше беженцев. Количество заявлений о предоставлении убежища достигло максимума в 2015 г., когда на пике Европейского миграционного кризиса Финляндия приняла 32,5 тыс. беженцев. В дальнейшем мощность потока вынужденных мигрантов постепенно снижалась вплоть до 2022 г., когда произошло резкое его увеличение.

Самой многочисленной группой просителей убежища в Финляндии в 2022 г. были украинцы (1805 заявлений), спасавшиеся от военного конфликта на своей родине. В действительности граждан Украины въехало в страну значительно больше, поскольку властями ЕС была активирована директива о временной защите [Council Directive 2001], согласно которой в 2022 г. в Финляндии было вынесено более 47,3 тыс. соответствующих решений. Однако лишь незначительное число граждан Украины решалось остаться в Финляндии:

лишь 4,4 тыс. из них проживают в стране, остальные отправились в другие страны ЕС или вернулись на Украину [An overview of migration 2023].

На втором месте (после украинцев) по числу просителей убежища находились российские граждане (1172 заявления), желание которых перебраться в Финляндию возросло после объявленной в России в сентябре 2022 г. частичной мобилизации, хотя в предыдущие годы этот показатель не превышал 400–500 заявлений. Другими крупными группами просителей убежища были выходцы из Ирака (652 человек), Сомали (307), Афганистана (251), Турции (185) и Сирии (138).

В целом, Финляндия принимает значительно большее число вынужденных мигрантов по сравнению с квотой ООН по приему беженцев, которая в последние годы для страны составляла 1050 человек. В связи с тем, что желающих поселиться в Финляндии гораздо больше, чем страна способна принять, власти часто отклоняют заявления о предоставлении убежища. После Европейского миграционного кризиса Финляндия, как и другие страны ЕС, ужесточила политику предоставления убежища с целью сдерживания количества просителей прежде всего из стран Африки [Morgunova, Moraru 2022]. Так, с 2015 по 2016 г. доля отрицательных решений для искателей убежища из Сомали в Финляндии возросла с 27 до 69% [Statistics 2024]. Отклонение прошения об убежище, однако, не означает автоматической высылки просителя и не мешает ему подавать повторные прошения.

Особенности размещения иностранного населения в Финляндии

Возросшая мощность миграционного потока в Финляндию в последнее десятилетие привела к резкому увеличению количества лиц иностранного происхождения – их число выросло более чем на 228 тыс. человек (табл. 2). Несмотря на то, что переселенцы из России и Эстонии остаются крупнейшими группами иностранного населения, в 2012–2022 гг. более высокими темпами росла численность выходцев из азиатских и африканских стран. Вследствие событий Арабской весны, внутренних вооруженных конфликтов, роста религиозного радикализма и ухудшения экономической ситуации в своих странах в Финляндии наиболее сильно увеличилось число выходцев из Ирака, Сомали, Сирии и Афганистана [Абрамова, Бессонов 2012; Громыко 2017; Resettled refugees 2019].

Характерной особенностью стран со стремительно растущим числом мигрантов является неравномерность расселения последних по территории принимающего государства. Яркими примерами стран, где наблюдаются различия размещении мигрантов и коренного населения, приводящие к территориальной сегрегации переселенцев, являются Швеция [Agafoshin, Gorokhov, Dmitriev 2022], Дания [Andersen 2015], Нидерланды [Zorlu, Mulder 2008], Бельгия [Van der Bracht, Van de Putte, Verhaeghe, Van Kerckem 2014], а также Италия, Испания и Франция [Vicuela 2022]. Эти диспропорции характерны и для Финляндия – в первую очередь, за счет значительно более высокой

Таблица 2

Численность лиц иностранного происхождения в Финляндии, 2012–2022 гг.

<i>Страна происхождения</i>	<i>2012</i>	<i>2017</i>	<i>2022</i>
Россия	70 899	83 675	101 112
Эстония	36 036	49 424	52 184
Ирак	10 795	20 232	28 022
Сомали	14 672	19 807	24 365
Китай	8234	11 303	15 372
Бывш. Югославия	9962	12 229	15 341
Вьетнам	7501	10 817	14 157
Индия	5030	7010	13 114
Афганистан	4508	8930	13 050
Турция	6928	8918	12 332
Иран	5828	8114	11 178
Таиланд	6681	9051	10 966
Сирия	759	6232	10 403
ВСЕГО	279 616	384 123	508 173

Источник: составлено авторами по данным: [Origin and background 2024]

концентрации мигрантского населения в «столичной» области Уусимаа, которая в 2022 г. являлась домом для 57,5% лиц иностранного происхождения, в то время как в ее границах проживали только 28,5% коренного населения (рис. 1).

В городах Финляндии процессы сегрегации мигрантов пока проявляются не так остро, как в других странах Европы, что во многом объясняется их меньшей долей в населении страны [Rosengren, Rasinkangas, Ruonavaara 2023]. Однако в случае сохранения мощности или увеличения миграционного потока в страну в пределах крупных городских агломераций высока вероятность формирования районов, представляющих собой форму территориальной сегрегации пришлых этнических и конфессиональных групп, где затруднена интеграция мигрантов в принимающее общество. Наиболее уязвимы в этом отношении города «столичного» региона – Вантаа (более 25% мигрантов в населении), Эспоо (22%), Керава (15%) и непосредственно сам Хельсинки, а также Нарпес, Каскинен и Вааса в Остроботнии, административные центры Варсинан-Суоми (Турку) и Пирканмаа (Тампере) (табл. 3).

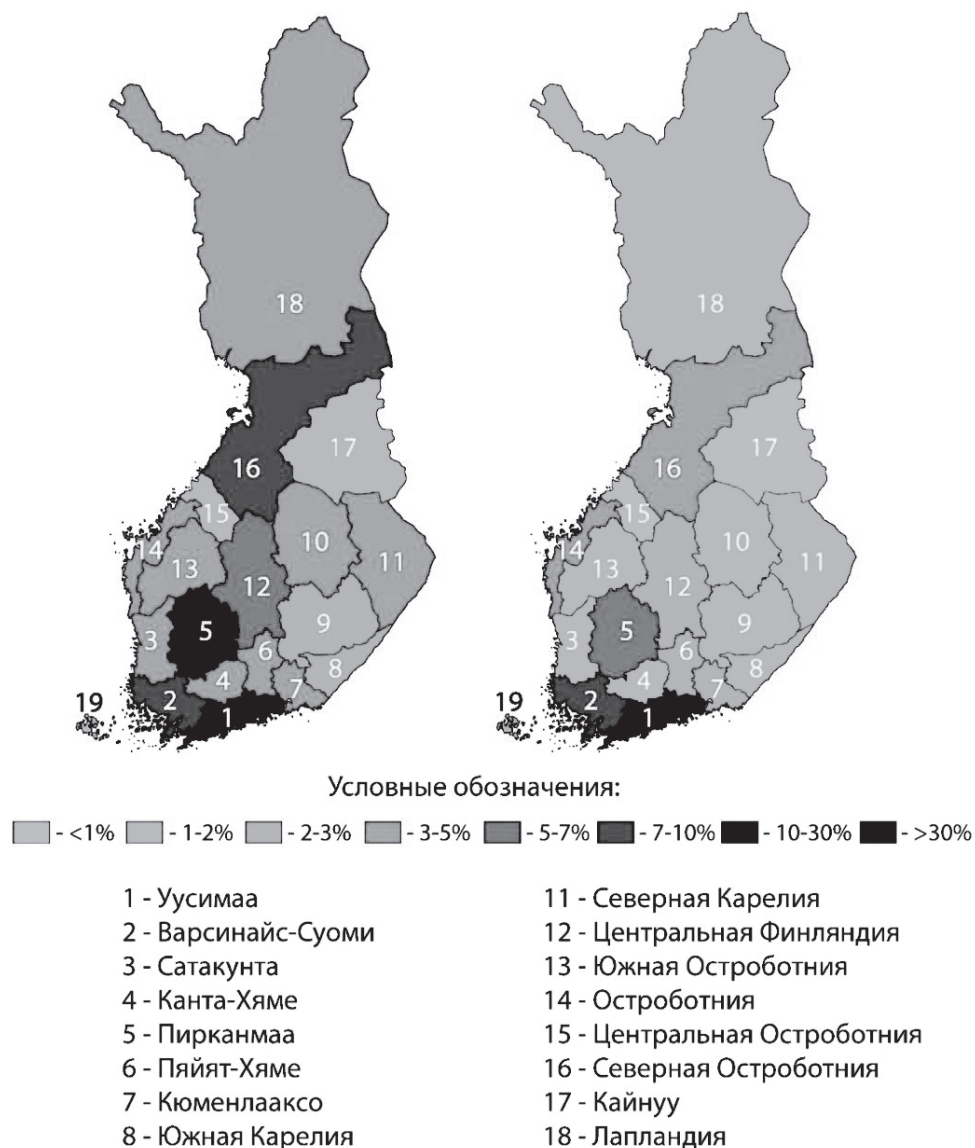

Рис. 1. Доля областей Финляндии в расселении коренного населения (слева) и лиц иностранного происхождения (справа), 2022 г.

Источник: составлено авторами по данным: [Origin and background 2024]

Таблица 3

**Доля лиц иностранного происхождения в населении областей Финляндии
в 2012–2022 гг., %**

Область	2012	2017	2022
Уусимаа	9,6	12,9	16,9
Варсинайс-Суоми	5,3	7,0	9,1
Остроботния	5,5	7,2	9,0
Южная Карелия	4,6	6,1	7,6
Кюменлааксо	5,0	6,2	6,7
Пяйят-Хяме	3,9	5,1	6,4
Пирканмаа	3,7	4,7	6,0
Канга-Хяме	2,9	4,1	5,0
Северная Карелия	2,9	3,7	4,9
Сатакунта	2,2	3,4	4,6
Кайнуу	2,4	2,9	4,2
Центральная Финляндия	2,5	3,4	4,1
Южное Саво	2,5	3,3	4,0
Северное Саво	2,1	2,9	3,8
Центральная Остроботния	2,2	3,0	3,7
Северная Остроботния	2,0	2,8	3,7
Лапландия	2,4	3,0	3,6
Южная Остроботния	1,7	2,2	3,0
Аландские острова	12,1	14,6	17,6
ВСЕГО	5,3	7,0	9,1

Источник: составлено авторами по данным: [Origin and background 2024]

Пример соседних стран Северной Европы демонстрирует, что сложности интеграции в принимающее общество и процессы территориальной сегрегации характерны, в первую очередь, для выходцев из преимущественно мусульманских стран. К настоящему моменту число мусульман в стране уже превышает количество прихожан Финляндской православной церкви, которая является второй по числу приверженцев государственной церковью. За последние десять лет численность мусульман в Финляндии удвоилась и продолжает расти, достигнув в 2022 г. 120–160 тыс. человек (более 2,5% населения страны) [Suomalaiset Muslimit 2022].

Антироссийская направленность миграционной политики Финляндии как проявление тренда на ее секьюритизацию

Резкое увеличение численности иностранного населения, нарастающая неравномерность его размещения, сложность интеграции инокультурных мигрантов приводят к секьюритизации⁴ финской миграционной политики, что характерно и для других европейских стран [Zakharov, Agafoshin 2023]. Однако если последние стремятся ограничить движение мигрантов через Средиземное море и Балканские страны, то для финских властей все более важными становятся ограничение передвижения через российско-финскую границу и сокращение миграционных связей между странами. С 2022 г. Финляндия, двигаясь в фарватере антироссийской политики ЕС и США, решила фактически разорвать взаимовыгодные связи с РФ. В июле 2022 г. были подготовлены поправки к Закону о пограничной охране, согласно которым Правительство может принять решение о закрытии пунктов пересечения границы, если это необходимо для предотвращения серьезной угрозы общественному порядку, национальной безопасности или здоровью населения. В Закон о пограничной охране также были внесены дополнительные положения о строительстве заграждений в приграничной зоне с целью обеспечения большей безопасности границ [Amendments to Border Guard Act 2022]. В октябре 2022 г. правительством С. Марин в соответствии с новыми положениями Закона о пограничной охране было принято решение о строительстве на восточной границе Финляндии заграждения длиной около 200 км, которое планируется завершить в 2026 г. Основная часть барьера будет расположена в юго-восточной части границы с Россией, на которой сосредоточено большинство пунктов пограничного контроля [Itdrajan esteaita 2022].

В парламенте Финляндии в настоящее время также обсуждается поправка к Закону об иностранцах, которая позволит обрабатывать заявления о предоставлении убежища непосредственно на границе или вблизи нее. В случае принятия этой поправки просители убежища не смогут передвигаться по территории страны или переезжать из Финляндии в другие государства ЕС [STT 2023].

Практика применения этих новаций в миграционном законодательстве Финляндии свидетельствует, что они принимались прежде всего с целью ограничить сотрудничество с Россией. В связи с этим был запрещен въезд в Финляндию на автомобилях с российскими номерами и введено бессрочное ограничение на въезд в страну российских граждан. С 30 ноября 2023 г. финское правительство полностью закрыло границу с Россией, объясняя свою позицию ростом потока беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, которых российское руководство якобы использует как оружие в гибридной

4. Секьюритизация – смещение акцента миграционной политики на обеспечение безопасности государства, принимающего мигрантов. Предполагает в том числе усиление мер пограничного контроля, введение практики депортации и осуществление всеобъемлющего наблюдения за иммигрантами.

войне с Финляндией. Действия Финляндии были полностью поддержаны странами Европейского союза, а пограничное агентство ЕС Frontex заявило, что планирует направить на финско-российскую границу 50 своих офицеров, а также патрульные машины и другое оборудование [Frontex to provide 2023]. О предвзятости финских властей может свидетельствовать тот факт, что за 2015–2016 гг. в Финляндию из Швеции через пограничный переход Хапаранда – Торнио прибыли почти 34 тыс. беженцев (90% просителей убежища в стране за этот период), однако это не привело к закрытию шведско-финской границы [Piipponen, Virkkunen 2017].

Заключение

Сохранение текущих тенденций может привести к формированию сегрегированных районов в городах Финляндии с повышенной долей мигрантского населения и росту уровня преступности в них. Наиболее вероятно формирование таких районов в городах хельсинкской агломерации – Вантаа, Эспоо, Керава и самом Хельсинки, а также в Турку, Тампере и Вааса.

Миграционная политика Финляндии – как и всего Евросоюза – характеризуется тенденцией к секьюритизации, в результате чего миграция в общественном сознании и политической практике переносится из гуманитарной сферы в область обеспечения безопасности. В декабре 2023 г. Финляндия и Италия подписали в Брюсселе меморандум о совместных инициативах по борьбе с вредоносным влиянием третьих стран в области миграции, целью которых является разработка надежных инструментов укрепления механизмов сотрудничества между странами НАТО и ЕС. При этом абсолютно не скрывается, что финские инициативы в миграционной политике направлены против России [Suomi ja Italia 2023]. Стремление финской политической элиты рассматривать миграционные связи через призму секьюритизации наносит большой урон некогда тесным и взаимовыгодным связям между Финляндией и Россией. При этом закрытие финскими властями восточной границы приносит значительный вред самой Финляндии, ее безопасности и экономическому развитию, а также образу страны как одного из наиболее привлекательных мест в мире для работы, бизнеса и получения образования.

Библиография

Абрамова И.О., Бессонов С.А. «Арабская весна» и трансграничная миграция // Азия и Африка сегодня. 2012. № 6. С. 10–17.

Агафошин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 1. С. 29–43.

Вирккунен Й., Гаджимурадова Г.И. Миграция, экстремизм и террористическая угроза в Финляндии // Современная Европа. 2018. №5 (84). С. 131–141.

Громыко А.А. Миграция из стран Ближнего Востока и Африки в Европу: вызовы и угрозы // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 3 (40). С. 116–124.

Кравчик Е.И. Особенности миграционной политики Финляндии // *Международные отношения и диалог культур*. 2020. № 8. С. 94–104.

Региональная статистика / Под. ред. В.М. Рябцева, Г.И. Чудилина. М.: МИД, 2001. 380 с.

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis // *Baltic Region*. 2022. Vol. 14. № 4. P. 98–112.

Amendments to Border Guard Act help prepare for incidents // Finnish Government. 2022. 8 June. URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/1410869/amendments-to-border-guard-act-help-prepare-for-incidents> (дата обращения: 22.01.2024).

An overview of migration to the EU and Finland 1/2023 // Finnish Government. 2003. 4 Aug. URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/1410869/an-overview-of-migration-to-the-eu-and-finland-1-2023> (дата обращения: 18.01.2024).

Andersen H.S. Explanations for Special Neighbourhood Preferences among Ethnic Minorities // *Housing, Theory and Society*. 2015. Vol. 32. № 2. P. 196–217.

Council Directive 2001/55/EC // *EUR-Lex*. 2001. July 20. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32001L0055> (дата обращения: 18.01.2024).

Frontex to provide additional support to bolster Finland's borders // *Fronex*. 2023. 23 Nov. URL: <https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/frontex-to-provide-additional-support-to-bolster-finland-s-borders-41el4Z> (дата обращения: 22.01.2024).

Hourunranta M. Out of the Immigration Periphery: A Case Study of Competence-based Immigration Policy Development in Finland // *Scandinavian Journal of Public Administration*. 2023. Vol. 27 (4). P. 21–36.

Immigration and emigration by nationality, origin and language, 1990–2022 // *Statistics Finland*. 2024. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__muut/ (дата обращения: 18.01.2024).

Itärajan esteaita // *Rajavartiolaitos*. 2022. 27 Nov. URL: <https://raja.fi/itarajan-esteaita> (дата обращения: 22.01.2024).

Language according to age and sex by region, 1990–2022 // *Statistics Finland*. 2024. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (дата обращения: 15.01.2024).

Morgunova O.A., Moraru N. Discourses of «Europeanness» in Asylum Practices in the Postcolonial Context // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. Vol. 22. № 4. P. 741–754.

Origin and background country by sex, by municipality, 1990–2022 // *Statistics Finland*. 2024. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (дата обращения: 19.01.2024).

Piipponen M., Virkkunen J. Asylum Seekers and Security at the Northern Finnish-Russian Border: Analysing «Arctic Route Episode» of 2015–2016 // *RUDN Journal of Economics*. 2017. Vol. 25. № 4. P. 518–533.

Pitukhina M.A., Tolstoguzov O.V., Chernykh I. Russian speaking diaspora in Finland as a public diplomacy tool // *Geography, Environment, Sustainability*. 2019. Vol. 12. № 2. P. 6–17.

Population and society // *Statistics Finland*. 2024. URL: https://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html (дата обращения: 18.01.2024).

Population structure // *Statistics Finland*. 2024. URL: https://pxdata.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (дата обращения: 18.01.2024).

Resettled refugees and asylum seekers in the Finnish housing market Iraq, Syrian and Eritrean experiences. Eds. M. Juntunen, O. Al Aloulou. *Turku: Migration Institute of Finland*, 2019. 64 p.

Rosengren K., Rasinkangas J., Ruonavaara H. Awareness of Segregation in a Welfare State: A Finnish Local Policy Perspective // *Housing Studies*. 2023. DOI 10.1080/02673037.2023.2269114.

Ryazantsev S.V., Gadzhimuradova G.I. Russophone Immigration to Finland: New Forms, Trends, and Consequences // *Baltic Region*. 2021. Vol. 13. № 2. P. 146–164.

Statistics // Finnish Immigration Service. 2024. URL: <https://migri.fi/en/statistics> (дата обращения: 18.01.2024).

STT: Finland's home ministry drafting bill that would keep asylum seekers at border // Helsinki Times. 2023. 19 Dec. URL: <https://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/24658-stt-finland-s-home-ministry-drafting-bill-that-would-keep-asylum-seekers-at-border.html> (дата обращения: 22.01.2024).

Suomalaiset Muslimit / Eds. T. Pauha, J. Konttori. Helsinki, Gaudeamus Oy, 2022. 263 p.

Suomen perustuslaki. 11.6.1999/731. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731> (дата обращения: 28.01.2023).

Suomi ja Italia yhteistyöhön hybridivaikuttamisen ja muuttoliikkeen välineellistäminen torjuntaan // Finnish Government. 2023. 1 Dec. URL: <https://valtioneuvosto.fi/-/suomi-ja-italia-yhteistyohon-hybridivaikuttamisen-ja-muuttoliikkeen-valineellistamisen-torjuntaan> (дата обращения: 23.01.2024).

Turvaraikanhaku ja pakolaisuus Suomessa / Ed. E. Lyytinen. Turku: Siirtolaisuusinstituutti, 2019. 352 p.

Ulkomaalaislaki. 30.4.2004/301. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2004/20040301> (дата обращения: 15.01.2024).

Van der Bracht K., Van de Putte B., Verhaeghe P.-P., Van Kerckem K. Ethnic Diversity in Belgium: Old and New Migration, Old and New Developments // DiGeSt. Journal of Diversity and Gender Studies. 2014. Vol. 1. № 1. P. 73–81.

Viñuela A. Immigrants' Spatial Concentration: Region or Locality Attractiveness? // Population, Space and Place. 2022. Vol. 28. № 2.

Virkkunen J., Koikkalainen S, Piipponen M. Migration Strategies at the Time of a Crisis: Asylum Applicants in Finland // Anxieties of Migration and Integration in Turbulent Times / Eds. M.-L. Jakobson, R. King, L. Moroşanu, R. Vetik. IMISCOE Research Series. Springer, Cham, 2023. P. 41–55.

Zakharov I., Agafoshin M. Reform of Asylum Policy and Control of Illegal Migration: Pan-European and Polish Approaches // International Organisations Research Journal. 2023. Vol. 18. № 3. P. 92–106.

Zorlu A., Mulder C.H. Initial and Subsequent Location Choices of Immigrants to the Netherlands // Regional Studies. 2008. Vol. 42. № 2. P. 245–264.

References

Abramova I.O., Bessonov S.A. «Arabskaya vesna» i transgranichnaya migraciya [«Arab Spring» and Trans-border Migration]. Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]. 2012. N 6. P. 10–17. (In Russ.).

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Prostranstvennaya transformaciya migracionnoj sistemy v period krizisa [Spatial Transformation of the Migration System during the Crisis]. Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences. 2023. Vol. 68. N 1. P. 29–43. (In Russ.).

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resetlement during the Migration Crisis. Baltic Region. 2022. Vol. 14. N 4. P. 98–112.

Amendments to Border Guard Act help prepare for incidents. Finnish Government. 2022. June 8. URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/1410869/amendments-to-border-guard-act-help-prepare-for-incident> (date of access: 22.01.2024).

An overview of migration to the EU and Finland 1/2023. Finnish Government. 2023. Aug 4. URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/1410869/an-overview-of-migration-to-the-eu-and-finland-1-2023> (date of access: 18.01.2024).

Andersen H.S. Explanations for Special Neighbourhood Preferences among Ethnic Minorities. Housing, Theory and Society. 2015. Vol. 32. N 2. P. 196–217.

Council Directive 2001/55/EC. EUR-Lex. 2001. July 20. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32001L0055> (date of access: 18.01.2024).

Frontex to provide additional support to bolster Finland's borders. Fronex. 2023. 23 Nov. URL: <https://www.frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/frontex-to-provide-additional-support-to-bolster-finland-s-borders-41e14Z> (date of access: 22.01.2024).

Gromyko A.A. Migraciya iz stran Blizhnego Vostoka i Afriki v Evropu: vyzovy i ugrozy [Migration from the Middle East and Africa to Europe: Challenges and Threats]. Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN [Journal of the Institute for African Studies]. 2017. N 3(40). P. 116–124. (In Russ.).

Hourunranta M. Out of the Immigration Periphery: A Case Study of Competence-based Immigration Policy Development in Finland. *Scandinavian Journal of Public Administration*. 2023. Vol. 27(4). P. 21–36.

Immigration and emigration by nationality, origin and language, 1990–2022. Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdate.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__muutl/ (date of access: 18.01.2024).

Itärajan esteaita. Rajavartiolaitos. 2022. 27 Nov. URL: <https://raja.fi/itarajan-esteaita> (date of access: 22.01.2024).

Kravchik E.I. Osobennosti migracionnoj politiki Finlyandii [Special Features of the Finnish Migration Policy]. *Mezhdunarodnye otnosheniya i dialog kul'tur* [International Relations and Dialogue of Cultures]. 2020. N 8. P. 94–104. (In Russ.).

Language according to age and sex by region, 1990–2022. Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdate.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (date of access: 15.01.2024).

Morgunova O.A., Moraru N. Discourses of «Europeanness» in Asylum Practices in the Postcolonial Context. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. Vol. 22. N 4. P. 741–754.

Origin and background country by sex, by municipality, 1990–2022. Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdate.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (date of access: 19.01.2024).

Regional'naya statistika [Regional Statistics] / Eds. V.M. Ryabtsev, G.I. Chudilin. Moscow: MID, 2001. 380 p. (In Russ.).

Piipponen M., Virkkunen J. Asylum Seekers and Security at the Northern Finnish-Russian Border: Analysing «Arctic Route Episode» of 2015–2016. *RUDN Journal of Economics*. 2017. Vol. 25. N 4. P. 518–533.

Pitukhina M.A., Tolstoguzov O.V., Chernykh I. Russian speaking diaspora in Finland as a public diplomacy tool // *Geography, Environment, Sustainability*. 2019. Vol. 12. N 2. P. 6–17.

Population and society. Statistics Finland. 2024. URL: https://www.stat.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html (date of access: 18.01.2024).

Population structure. Statistics Finland. 2024. URL: https://pxdate.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/ (date of access: 18.01.2024).

Resettled refugees and asylum seekers in the Finnish housing market Iraqi, Syrian and Eritrean experiences. Eds. M. Juntunen, O. Al Aloulou. Turku: Migration Institute of Finland, 2019. 64 p.

Rosengren K., Rasinkangas J., Ruonavaara H. Awareness of Segregation in a Welfare State: A Finnish Local Policy Perspective. *Housing Studies*. 2023.

Ryazantsev S.V., Gadzhimuradova G.I. Russophone Immigration to Finland: New Forms, Trends, and Consequences. *Baltic Region*. 2021. Vol. 13. N 2. P. 146–164.

Statistics. Finnish Immigration Service. 2024. URL: <https://migri.fi/en/statistics> (date of access: 18.01.2024).

STT: Finland's home ministry drafting bill that would keep asylum seekers at border. *Helsinki Times*. 2023. 19 Dec. URL: <https://www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/24658-stt-finland-s-home-ministry-drafting-bill-that-would-keep-asylum-seekers-at-border.html> (date of access: 22.01.2024).

Suomalaiset Muslimit / Eds. T. Pauha, J. Konttori. Helsinki, Gaudeamus Oy, 2022. 263 p.

Suomen perustuslaki. 11.6.1999/731. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731> (date of access: 28.01.2023).

Suomi ja Italia yhteistyöhön hybridivaikuttamisen ja muuttoliikkeen välineellistäminen torjuntan. Finnish Government. 2023. 1 Dec. URL: <https://valtioneuvosto.fi/-/suomi-ja-italia-yhteistyohon-hybridivaikuttamisen-ja-muuttoliikkeen-valineellistamisen-torjuntaan> (date of access: 23.01.2024).

Turvapaikanhaku ja pakolaisuus Suomessa / Ed. E. Lyytinen. Turku: Siirtolaisuusinstituuti, 2019. 352 p.

Ulkomaalaislaki. 30.4.2004/301. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2004/20040301> (date of access: 15.01.2024).

Van der Bracht K., Van de Putte B., Verhaeghe P.-P., Van Kerckem K. Ethnic Diversity in Belgium: Old and New Migration, Old and New Developments. DiGeSt. Journal of Diversity and Gender Studies. 2014. Vol. 1. N 1. P. 73–81.

Viñuela A. Immigrants' Spatial Concentration: Region or Locality Attractiveness? Population, Space and Place. 2022. Vol. 28. N 2.

Virkkunen J., Gadzhimuradova G.I. Migraciya, ekstremizm i terroristicheskaya ugroza v Finlyandii [Migration, Extremism and Terrorist Threat in Finland]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2018. N 5(84). P. 131–141. (In Russ.).

Virkkunen J., Koikkalainen S., Piipponen M. Migration Strategies at the Time of a Crisis: Asylum Applicants in Finland. Anxieties of Migration and Integration in Turbulent Times / Eds. M.-L. Jakobson, R. King, L. Moroşanu, R. Vetik. IMISCOE Research Series. Springer, Cham, 2023. P. 41–55.

Zakharov I., Agafoshin M. Reform of Asylum Policy and Control of Illegal Migration: Pan-European and Polish Approaches. International Organisations Research Journal. 2023. Vol. 18. N 3. P. 92–106.

Zorlu A., Mulder C.H. Initial and Subsequent Location Choices of Immigrants to the Netherlands. Regional Studies. 2008. Vol. 42. N 2. P. 245–264.